

ЮНГИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Мюррей
Стайн

Трансформация
ПРОЯВЛЕНИЕ САМОСТИ

Юнгианская психология

Мюррей Стайн

**Трансформация.
Проявление самости**

«Когито-Центр»

1998

Стайн М.

Трансформация. Проявление самости / М. Стайн — «Когито-Центр», 1998 — (Юнгианская психология)

Известный американский и швейцарский аналитик М. Стайн рассматривает в своей книге процесс качественного преобразования психики на пути индивидуации. Дается глубокий психологический анализ жизненного пути четырех людей, внесших существенный вклад в развитие западной цивилизации – Рильке, Рембрандта, Пикассо и Юнга. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся внутренним миром человека, и будет полезна не только специалистам в области психологии, но и представителям других гуманитарных профессий. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	8
Предисловие к русскому изданию	11
Благодарности	13
Введение	15
Пролог	19
Глава 1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мюррей Стайн

Трансформация: Проявление самости

Murray Stein

Transformation emergence of the self

Утверждено редакционно-издательским советом Института практической психологии и психоанализа в качестве учебного пособия.

Научно-редакционная подготовка издания осуществлена сотрудниками кафедры аналитической психологии ИПП и П.

Перевод с английского под редакцией *К. Мелик-Ахназаровой, В. Калининко*

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2007.

© Murray Stein, 1998.

*Wandelt sich rasch auch die Welt
wie Wolkengestalten,
alles Vollendete fällt
heim zum Uralten.*

*Облаком, облик и лик
мир мигом меняет.
Но завершённое вмиг
в древность ныряет.*

Р. М. Рильке. Сонеты к Орфею, 1.19 (Пер. В. Авербуха).

Предисловие

*Трансформация:
Гимн в глубине души, танец перед святыней,
Волнение и щегольство вызревающего вина.*

Райнер Мария Рильке

Мюррей Стайн написал книгу, которая, подобно трудам Юнга, может помочь нам преобразить себя, наше общество и наш мир – эту большую деревню. Тема трансформации, близкая и дорогая моему сердцу и моей душе, – это путь к индивидуации и самоактуализации¹. Рильке сказал об этом просто: «Ты должен изменить свою жизнь». Юнг же подчеркивал ее божественную природу: «В психическом действуют духовные процессы трансформации»².

В качестве символа трансформации Стайн, вслед за Юнгом, использует образ бабочки из «большого» сна женщины, с описания которого начинается первая глава. В этом сне метаморфозе гусеницы способствуют две змеи, помещенные мудрым стариком в темный кокон. Спящая знает, что она – гусеница, но после своего превращения в бабочку она чудесным образом становится женщиной, возродившись в своей «истинной самости».

¹ D. H. Rosen, *Transforming Depression: Healing the Soul Through Creativity* (New York: Penguin, 1996).

² C. G. Jung, «Basic Postulates of Analytical Psychology», *The Structure and Dynamics of the Psyche, The Collected Works of C. G. Jung* (Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1978), 8:357.

Вильям Джеймс подчеркивает, что внезапная трансформация, столь точно воспроизводимая преобразованием гусеницы в бабочку, – вовсе не «чудо», как это может показаться, но, скорее, «естественный процесс»³. Джеймс пишет также о «страждущих душах»⁴, которым надлежит быть «дважды рожденными», дабы стать счастливыми⁵. «Ложное Я» должно умереть, его надо расплавить или стряхнуть. Тогда может произойти духовный переход человека к его «подлинному Я», производному самости (или высшего существа). По Стайну, подлинный образ Я, или «имаго», – это уникальная мифологическая форма человека, которая должна быть реализована и осознана. Заслуживает доверия его точка зрения, согласно которой исполненная столь многих смыслов задача трансформации – дело второй половины жизни. Собственно вся книга Стайна и посвящена этому естественному процессу преобразования. Бабочка из женского сна – воплощение алхимии, которая являет собою искусство превращения. Превращение свинца в золото – это символ процесса смерти-возрождения, который приводит человека к обретению своего философского камня и к подлинной жизни – к тому, что Юнг испытал в замке Боллинген, где он «возродился в камне».

В первой главе Стайн дает общую характеристику процесса трансформации. Судьба Райнера Марии Рильке служит примером врачевания души и преобразования посредством творчества. Здесь воспроизводится подлинная история создания величайшего творения Рильке – «*Дуинских элегий*». Стайн также красноречиво описывает глубокие изменения, которые произошли с Юнгом после его разрыва с Фрейдом.

Во второй главе Стайн приводит пример трансформации, рассматривая метаморфозы Вильяма Меллона-младшего. В середине жизни этот человек пережил трансформирующий опыт: он отверг довлеющий над ним негативный образ Эго, отказался от прежней идентичности, от «ложного Я» и от «страждущей души», став врачом для бедствующих слоев населения на Гаити. Он назвал свою клинику именем Альберта Швейцера, трансформирующий образ которого стал катализатором его собственного превращения, помощью в постижении философского камня.

В третьей главе Стайн рассматривает роль межличностных отношений в процессе исцеления и трансформации. Он подчеркивает целительную силу отношений доктор-пациент и приводит всесторонний обзор психологии переноса в юнгианском ключе, иллюстрируя его прекрасными рисунками из «*Rosarium Philosophorum*»⁶. В этой главе Стайн дает много ценных комментариев о браке в его внутренних и внешних проявлениях.

Четвертая глава – это три портрета трансформации: Рембрандт, Пикассо и Юнг. Текст сопровождается весьма выразительными иллюстрациями. Стайн ясно показывает, как эти невероятно творческие личности проходили через исцеление собственных душ и делились наблюдениями, позволившими нам соприкоснуться со зримыми образами самой сути процесса трансформации. Одиссея Рембрандта – это трогательное изображение процесса проявления божественного Я. Трактовка Стайном истории жизни Пикассо кажется более точной, нежели имеющий негативную тональность очерк Юнга, посвященный Пикассо⁷. И в самом деле, Стайн усматривает в Пикассо образ нашего века: художник обращает нас лицом к лицу со столетием мировых войн, с нашей тоской и поисками смысла в уходящем тысячелетии. Стайн завер-

³ W. James, *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature* (New York: Longmans, Green, 1912), 228-30.

⁴ Страждущая душа – «sick soul» – термин Вильяма Джеймса из книги «Разнообразие религиозного опыта». Это выражение означает особую чувствительность отдельных людей к проявлениям зла в мире и противопоставляется «healthy-minded» – людям настолько «психически здоровым», что они, в силу ярко оптимистического восприятия мира, могут даже не замечать проявления зла и темных сторон жизни. – *Прим. ред.*

⁵ *Ibid.*, 166.

⁶ Полное название: «Философский розарий, или самый ценный дар Господа», – средневековый алхимический латинский трактат, созданный иллюминатами. – *Прим. ред.*

⁷ C. G. Jung, «Picasso», *The Spirit in Man, Art, and Literature, The Collected Works of C. G. Jung* (Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1966), 15:135-41.

шает четвертую главу этой значимой книги башней в Боллингене: удивительным автопортретом Юнга в камне.

Сможем ли мы индивидуально и коллективно преобразить себя так, чтобы следующее тысячелетие было спокойным и позволило каждому реализовать свой потенциал в единой человеческой семье, в стабильной всемирной деревне, где все зависят друг от друга? В эпилоге Стайн подчеркивает: «Воспитание ребенка – дело всей деревни». Он цитирует книгу Хиллари Родхэм Клинтон на эту тему, называя ее «гласом вопиющего в пустыне». Затем он призывает нас вступить на путь собственной трансформации. Ведь любое превращение начинается с себя. Вспомните старую поговорку: «Милосердие начинается дома». Мартин Бубер говорил: «Есть смысл и в том, что долгое время было лишено смысла. Все зависит от внутренних изменений; когда они происходят, то – тогда и только тогда – изменяется и сам окружающий мир»⁸.

Дэвид Х. Розен

Колледж Стейшин, Техас

⁸ M. Buber, *Good and Evil* (New York: Charles Scribner's Sons, 1953), 5.

Предисловие к русскому изданию

Тема трансформации является центральной для работ Юнга. Она имеет первостепенное значение в психотерапевтической практике тех, кто использует его методы и озарения. В этой книге я попытался рассмотреть концепцию трансформации в рамках теории аналитической психологии и прояснить ее на примере биографических историй и клинических случаев. В основном трансформация видится как процесс становления подлинным самим собой, обретения соответствия своей сути. Это процесс, проходящий за срок нормальной человеческой жизни несколько важных фаз, в каждой из которых раскрываются определенные черты и элементы личности – существенные компоненты целостности того или иного человека. Трансформация – это процесс проявления самости, включающий в себя кризисы и конфликты, а иногда – резкие изменения жизни. Порой эти суровые испытания напоминают смерть и возрождение, ведь это архетипический паттерн глубокого изменения и проявления нового существа в старой оболочке.

На каждой стадии развития от рождения до смерти цель трансформации – дальнейшее раскрытие потенциальной индивидуальности и талантов человека. Индивидуальность следует отличать от индивидуализма, который чаще всего предполагает нарциссическое чувство важности самого себя и отход от ценностей сообщества и от сотрудничества. Индивидуация же, напротив, предполагает полное и активное участие в социальной и коллективной жизни наряду с внутренним развитием. Процесс трансформации идет вперед по дуге или спирали, начиная с зачаточного состояния, в котором личность в основном сохраняется в своем потенциале, до более полного и завершенного ее выражения внутри семейного и культурного контекста, к которому человек принадлежит. На своих последних стадиях трансформация затрагивает духовные измерения, когда преодолеваются семейные и культурные уровни и в частном проявляется универсальное. Немаловажным здесь становится развитие индивидуальной духовной

позиции внутри культурного и исторического контекста. Если цель первой половины жизни – это развитие сильного Эго, адекватно адаптированного к условиям той или иной среды и культуры, то цель второй половины жизни – достичь индивидуальности и чувства символического центра вне контроля Эго. Этот процесс диалектичен и включает в себя динамическое взаимодействие между сознанием и бессознательным, между Эго и Другим. Трансформация середины жизни – главный опорный пункт в переходе от Эго к самости. Для Эго это кризис, а для самости – возможность рождения сознания. То, что посажено в этот период, будет приносить психологические плоды на протяжении всей оставшейся жизни.

Я восхищен тем, что книга выйдет в свет на русском языке. Я уверен, что в столь прославленной и психологически одаренной культуре она найдет свое место.

Мюррей Стайн,

Голдуил, апрель 2007 г.

Благодарности

Семена, из которых выросла эта книга, были брошены на прогулке в случайной беседе с Вереной Каст⁹. Должно быть, они пали на благодатную почву, поскольку продолжали расти в моем сознании до тех пор, пока мне не представилась возможность предложить Каролине и Эрнсту Фей цикл лекций на 1997 г. К этому моменту я уже знал, что темой моего труда станет трансформация. В известном смысле эта книга является продолжением моей ранней работы «Средний возраст», опубликованной около пятнадцати лет назад. Сформулированные здесь теоретические идеи легли также в основу моей более поздней книги «Практикуя целостность». Преподавание в институте Юнга в Чикаго, чтение лекций в Мехико и в Цюрихе, участие в собраниях «Путешествие к целостности» в Северной Каролине, – все это предоставило мне широкие возможности для обсуждения идей, изложенных на страницах этой книги.

Я обязан столь великому множеству людей за помощь в формулировке идей и образов этой книги, что, боюсь, не сумею назвать всех. Иногда их участие было сознательным, иногда случайным и косвенным. В том, что касается Рильке, я особенно благодарен Рут Ильг за помощь в немецком языке, Дэйлу Кушнеру за то, что позволил мне заглянуть во внутренний мир поэта, Дэвиду Освальду за содержательные комментарии, Йосифу Пэйсику, который указал на возможность «чистого созерцания». Долгие годы я изучал Юнга и благодарен множеству друзей, коллег и учителей за то, что они помогли мне достичь определенного уровня понимания его огромного наследия. Среди них – Джон Биби, Хильда Бисвангер, Майкл Фордхэм, Мария Луиза фон Франц, Адольф Гуггенбюль-Крэйг, Барбара Ханна, Джозеф Хендерсон, Джеймс Хиллман, Марио Якоби, Том Кирш, Ричард Поуп, Ли Ролофф, Эндрю Самуэльс, Натан Шварц-Салант, Джун Сингер и Арвинд Васавата.

Я хочу выразить особую благодарность Рафаэлю Лопесу-Педрасе, Кристиану Гайару и Джеймсу Уайли за то, что они вдохновили меня на попытки психологического толкования жизни и автопортретов художников. Я благодарен Ян Марлан, внимательно читавшей первый вариант моей рукописи, за ее постоянную поддержку и дружескую критику. Мою приятельницу

⁹ Верена Каст – известный швейцарский аналитик, президент Международной ассоциации по аналитической психологии (ИАП) в 1994–1998 гг. – *Прим. ред.*

Фло Видерман я хочу поблагодарить за многочасовые живые и приятные дискуссии о природе трансформации. Следует похвалить Бейли Милтон за аккуратную перепечатку. Естественно, и Музе следует оказать высшие почести.

Эту книгу я хочу посвятить моей жене Ян, с которой в течение четверти века я активно переживал трансформацию, моему сыну Кристоферу, находящемуся в процессе линьки, и моей дочери Саре, переживающей стадию гусеницы.

Я глубоко благодарен Дэвиду Розену и Каролине Фей, которые предложили мне сделать эти лекции достоянием общественности. Каролина Фей была для меня источником тепла и поддержки с первых же дней преподавания и аналитической практики. Ее постоянная многолетняя преданность аналитической психологии вдохновила многих, а ее жизнь и труды стали свидетельством того влияния, которое Юнг оказал на жизни людей, столь далеких от озер и гор Швейцарии. Дэйвид Розен прекрасно меня принял в колледже Стейшн, сопровождая повсюду на приветливых просторах Техасского университета, знакомя со студентами и коллегами и посвящая мне все свое время без всяких жалоб и ограничений. Его редакторские замечания помогли существенно улучшить текст книги. Хотелось бы также высказать признательность студентам Техасского университета – трудно найти более внимательных и благодарных слушателей.

Введение

Гибель «Титаника», роскошного лайнера, затонувшего 14 апреля 1912 г. во время первого своего путешествия через Северную Атлантику, ознаменовала окончание предшествующей эпохи и наступление Эры Тревоги. В том же 1912 г., пока мир, не ведая того, двигался к пропасти Первой в истории Мировой войны, термин «трансформация» прочно вошел в сознание европейцев как пророческий крик о грядущем. На немецком языке это понятие обозначалось словами «Wandlung» и «Verwandlung».

В 1912 г. Карл Густав Юнг закончил свою книгу «*Wandlungen und Symbole der Libido*», что буквально переводится как «*Трансформации и символы либидо*», хотя в 1916 г. эта работа вышла на английском под названием «*Психология бессознательного*»¹⁰. В этом труде Юнг описывал трансформационную природу человеческой психики и объявлял о своих расхождениях во взглядах с Фрейдом; так начался собственный путь Юнга к личной трансформации, через которую он пришел к созданию аналитической психологии. Концепция трансформации навсегда поссорила Юнга с его прежним учителем и наставником.

В том же году Райнер Мария Рильке услышал поэтическую строку в шуме ветра, из чего родилось наиболее значительное его творение, «*Дуинские элегии*», книга в десяти частях, поэтика которой вращается вокруг трансформации как принципиальной задачи человека, как самой важной, священной обязанности человечества. Это стихи о конце и о зарождении нового.

Франц Кафка всего за несколько недель до конца 1912 г. написал свой знаменитый рассказ о трансформации «*Die Verwandlung*» («*Превращение*»), историю деградации, в результате которой человек превращается в огромное насекомое.

¹⁰ Рус. пер.: Юнг К. Г. *Метаморфозы и символы либидо*. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994; перераб. изд.: *Символы трансформации*. М.: Penta-Graphic, 2000.

Эти три мыслителя писали и говорили по-немецки, хотя ни один из них не был гражданином Германии. Один был гениальным психологом, а двое других – блестящими художниками (оба умерли в относительно раннем возрасте). Один был протестантом, другой – католиком, третий – евреем, все они были людьми психически одаренными и психологически чувствительными до хрупкости. И все трое взяли один и тот же аккорд, отзвуки которого будут слышны на протяжении многих десятилетий: тему трансформации. Кафка и Рильке умрут еще до начала Второй Мировой войны. Юнг проживет достаточно долго, чтобы осмыслить ее опустошающие последствия и создать в поздний период своей жизни великую работу о целостности «*Mysterium Coniunctionis*»¹¹. Сегодня мы понимаем, что все трое оказались пророками, совместные усилия которых позволяют дать уходящему столетию новое имя – Эпоха Трансформации.

Двадцатое столетие было эпохой глобальных преобразований. Большие социальные, культурные и политические сдвиги привели к уничтожению многих чтимых и известных явлений традиционных культур по всему миру: в Западной Европе, в Америках, России, Азии, Африке; две мировые войны, технологический взрыв, борьба идеологий волна за волной прокатились по человечеству во всей своей дестабилизирующей силе. Процесс глобальной трансформации нашел отражение в искусстве, использовался бизнесом и изучался социальными науками. Воздействие этого процесса на отдельных людей, на большие и малые группы продолжает углубляться и распространяться во все сферы человеческой жизни и отражается в стремлениях людей. Пороговость¹² стала постоянной темой нашего времени. Ничто более не является стабильным и безопасным. Как верно предвидел Йейтс, «основа не держит»¹³.

По мере приближения к концу этого беспокойного столетия импульс к изменениям все усиливается, и люди готовятся к грандиозному финалу – не только века, но и тысячелетия. Более того, наступает окончание платоновского года, состоящего из двадцати веков, – Эры Рыб, и начинается другой этап – Эра Водолея.

История и миф в данный момент сливаются, а страхи и ожидания растут. По мере того, как скорость изменений возрастает, становится очевидным, что никто, даже те, кто обладает компьютерами, имеющими доступ в самые быстрые сети, не может фиксировать происходящие мириады событий, ни тем более в одиночку управлять ими. Время устремилось вперед, как бурная река; наша цель находится за пределами нашего понимания, нашего контроля. Начало и конец скоро станут единым целым.

Этот социальный и культурологический фон служит контекстом моей работы по психологической трансформации. Хотя я буду рассматривать в первую очередь индивида и то, как процесс трансформации подталкивает человека к особой и конкретной цели самореализации, я признаю, что существует глубокое динамическое взаимодействие между политическими и социальными сообществами, с одной стороны, и индивидуальной психикой, с другой. Множество людей проходят процесс трансформации так же, как его проходит коллектив (а возможно, отчасти и благодаря этому). Безусловно, неверно утверждать, как это делают некоторые социологи и политические мыслители, что индивид – это просто отражение коллективных действий и мнений, что он является лишь миниатюрным воплощением социального процесса и социальной структуры. С другой стороны, столь же неверно думать, что индивид изолирован от социального окружения, в котором он живет, или что его психология основывается только на собственном опыте, полученном в процессе общения с семьей и родственниками, или интрапсихических и генетических факторах. На нынешнем этапе понимания формирования психической структуры более корректно исходить из того, что индивиды и их судьбы являются слож-

¹¹ См.: Юнг К. Г. *Mysterium Coniunctionis*. М. – Киев: Рефл-бук-Ваклер, 1997.

¹² Термин, употребляемый М. Стайном – liminality – происходит от латинского *limen* – «порог», «преддверие». – Прим. ред.

¹³ Аллюзия на стихотворение ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939) «Второе пришествие» (*Second coming*): Шире и шире кружась в воронке, Сокол сокольного не слышит; Связи распались, основа не держит; Анархия выплеснулась на землю... (Пер. Г. Кружкова). – Прим. ред.

ным результатом сочетания различных факторов, одни из которых являются генетическими, другие – интрапсихическими и межличностными, третьи – коллективными.

Под коллективным я понимаю не только конкретные социальные, политические и культурные феномены, которые влияют на людей, но также мировые исторические и архетипические движущие силы, из которых складывается дух времени целой эпохи. Дух, формирующий историческую эпоху, сказывается на установках и мировосприятии каждого индивида. Можно бесконечно спорить о духе времени и том, каким он является для данной эпохи. Определить и описать его особенно трудно, когда речь идет о современности. Легче изучать Италию XIV в. и рассуждать о Возрождении или Францию XVIII в. и говорить о Просвещении. Когда же речь заходит о XX в., все оказывается тесно переплетено, не только потому, что эта эпоха нам близка, но также потому, что весь мир как таковой является следствием духа именно этого времени. Трудно охватить нечто столь огромное и сложное.

Впервые в истории войны происходят на мировом уровне. Дух Ареса распространился по всем обитаемым континентам и вовлек народы в горячие военные столкновения друг с другом. Однако эти конфликты породили глубокий обмен на всех уровнях. После того как война окончена, враги могут стать союзниками или, по крайней мере, торговыми партнерами. На протяжении своей жизни я с изумлением наблюдал, как это происходило сначала в Германии и Японии, потом во Вьетнаме и недавно – в республиках бывшего Советского Союза. «Военные невесты» вынашивают в своих утробах смешанные гены, а культуры, противостоявшие друг другу на поле брани, в конце концов развивают взаимовыгодную торговлю и обмениваются религиозными и культурными идеями. И процессы эти оказывают глубокое влияние на множество людей по всему миру.

Греческих мифотворцев посетило высочайшее озарение, когда они увидели Ареса, бога войны, и Афродиту, великую богиню любви, как возлюбленных, породивших дитя – Гармонию. И в это темное столетие мировых войн мы стали свидетелями того, что – как ни иронично это звучит – они породили мировое сообщество. Идею эту символизирует и донныне крайне противоречивая политическая концепция Объединенных Наций. Та же мысль эффективно конкретизирована в транснациональных корпорациях. Понятие единого мирового сообщества хотя и находится все еще на самых ранних стадиях развития, демонстрирует явные признаки роста и неизбежности, пусть даже сопротивление ему тоже набирает силу и порождает беспорядки. XX в., без сомнения, останется в истории как эпоха, в которую интегрированное сознание единого мира было рождено на глобальном коллективном уровне; и это не утопия, а простая констатация факта.

В то же самое время мы приучились быть осторожными с большими организациями, коллективами и с бюрократическим аппаратом, которые пытаются использовать массы и, в конце концов, душат человеческие проявления, человеческий дух. По мере того как мы все больше и больше признаем взаимосвязь наций и народов, мы понимаем также, что индивидуальная инициатива, свобода и ответственность – это ключевые элементы прогресса, культурной и социальной эволюции. Мир един, но все лучшее – в малом. Мы живем парадоксами.

Рождение сознания XXI в. не было легким. В действительности это была продолжительная агония, которая потребовала от лучшей части человечества ста лет родовых потуг. Это агония трансформации, типичная для исторического периода, в котором знакомые, старинные структуры ломаются, а затем следует долгий период хаоса, смут и тревог. У. Х. Оден называет наш век Эпохой Тревоги, чьими священниками и раввинами стали психоаналитики. Пороговость – вот имя нашего коллективного опыта на протяжении большей части этого уходящего века. В будущем паттерны целостности, несомненно, проявятся сквозь ныне бесструктурную и разлагающуюся смесь традиции, идеологии, обычая и установок. Основанные на глубоких, уходящих корнями в архетипы образах и формах, они наберут энергию и направят ее в художественные, культурные, социальные и религиозные структуры, которых сейчас мы еще не

можем видеть. С того места, на котором мы находимся сейчас, нам хорошо видно прошлое: потерпевшие крушение традиционные паттерны, десятилетия деструкции, войн и разъедающего интеллектуального анализа, свободное экспериментирование с образом жизни, семейными паттернами и сексуальностью, неотъемлемо присущее глубокой пороговости; но мы все еще не можем с точностью распознать возникающие паттерны целостности.

В этой книге я не буду пытаться подробно разобрать это грядущее мировое развитие, которое, без сомнений, потребует многих десятилетий. Вместо этого я сконцентрирую свое внимание на понятии психологической трансформации как таковой и на последствиях трансформации для отдельного человека. Трансформация никоим образом не осталась позади. Индивиды и коллективы все еще находятся во власти мощных трансформирующих сил, это влияние сохранится и в обозримом будущем. Нам важно понять природу и цели индивидуальной психологической трансформации, во-первых, чтобы справиться с сопровождающей ее тревогой, во-вторых, чтобы обозначить основные ее черты, без чего ее не отличишь от простого деструктивного нигилизма, с одной стороны, и утопических заблуждений – с другой. Жизненно важно начать видеть каждую индивидуальность как непреложное целое, а не как шестеренку гигантской машины или песчинку на берегу океана человеческой общности. Более того, можно провести важную аналогию между индивидуальной трансформацией и коллективным процессом перемен. Как только станет понятен индивидуальный процесс, могут быть созданы и модели изучения коллективных процессов.

Так как же узнать трансформирующуюся личность? Каковы ее черты? Это не обязательно идеальная личность, вызывающая наше восхищение и желание подражать ей. Тот, кто сам находится в процессе трансформации, вследствие этого часто несовершенен, подобно незавершенному еще производству. Он становится самим собой и в то же время странным образом приобретает нечто совершенно новое. Часто такой человек трансформирует и окружающих, и свою культуру. По моему личному убеждению, только тот, кто пережил или переживает превращение, может стать посредником дальнейшей трансформации.

В четырех главах этой книги мне хотелось рассмотреть несколько факторов, участвующих в процессе полного проявления самости в зрелости. В первой главе я даю описание процесса трансформации во взрослом состоянии и того, каково это – быть глубоко затронутым ею. Затем, во второй главе, я рассматриваю средство, с помощью которого происходит психологическая трансформация: трансформирующий образ. В третьей главе я касаюсь роли близких отношений в процессе трансформации. И в четвертой главе я рассматриваю и сравниваю автопортреты Рембрандта и Пикассо, а также архитектурный манифест Юнга в Боллингене, чтобы на примере этих фигур обозначить некоторые типичные черты трансформирующейся личности.

Главная идея этой книги состоит в том, что трансформация ведет людей к более полному и глубокому становлению самими собой – такими, какие они есть и всегда потенциально были. Перемена к новому, как это ни парадоксально, всегда возвращает нас к чему-то старому. Трансформация – это осознание, откровение и проявление, а вовсе не самоусовершенствование, не перемена к лучшему и не превращение в идеального человека. Трансформирующаяся личность – это некто, кто реализует свою сущность с максимально возможной полнотой и вдохновляет других на то же самое.

Пролог

Как-то раз в конце ноября, когда я прогуливался по хорошо мне знакомой дороге в холмах Северной Каролины, мой взгляд привлекла толстая гусеница, которая энергично ползла вдоль обочины. Я остановился понаблюдать за ее успехами: в течение следующих тридцати минут она преодолела довольно значительное расстояние по гравию. Осеннее солнце еще припекало, и пока я стоял и наблюдал за продвижением этого решительного существа, на моей коже появилась испарина.

У меня было достаточно времени поразмыслить над тем, о чем же думает гусеница. Я предполагал, что она направляется в укрытие, где примется делать кокон и начнет образование куколки. Это место должно быть безопасным и защищать от хищников, ветра и непогоды. Мне было интересно, думает ли гусеница о том, что ее ждет. Она целенаправленно двигалась куда-то и делала это настойчиво, но знала ли она, для чего это все? Способна ли она предвидеть? Может ли гусеница мечтать о полете?

Вопросы накапливались, но ответов на них не было. После того, как мы совершили совместное путешествие на расстояние около сотни ярдов, гусеница заползла в заросли ежевики и кустов, росших вдоль низкого деревянного забора, и я потерял ее из виду. Она, должно быть, нашла место, чтобы свить кокон и уйти в спячку на неделю или до наступления весны. Если ей повезет и она пройдет это суровое испытание, то превратится в волшебное крылатое существо. Она станет абсолютно иной, станет бабочкой, которая больше не привязана к земле и может порхать над цветами, перелетая от одного к другому, следуя потоку воздуха и своей

собственной интуиции. Она выйдет из заточения похожего на склеп кокона, расправит крылья и обретет способность летать.

Глава 1

Проявление собственного имаго во взрослом возрасте

Побудительный мотив – в той мере, в какой мы можем его постичь – есть, в сущности, только инстинкт самоосуществления.

К. Г. Юнг¹⁴

Как-то раз ко мне в офис пришла женщина тридцати пяти лет, чтобы обсудить свои недавние сны. К моему изумлению и вечной благодарности, она рассказала мне сон о столь глубокой трансформации, что его просто невозможно забыть.

Я иду по дороге, чувствуя себя подавленно. И вдруг натыкаюсь на надгробный камень, смотрю на него и вижу на нем собственное имя. Сначала это шокирует меня, но затем, к своему удивлению, я успокаиваюсь. Я вижу, что пытаюсь вытащить труп из гроба, но потом понимаю, что я и есть этот труп. Все сложнее и сложнее становится оставаться единым целым, потому что тело больше ничего уже не удерживает.

Я прохожу сквозь дно гроба и захожу в длинный темный туннель. Я иду до тех пор, пока не подхожу к маленькой и очень низкой двери. Я стучусь. Появляется древний старец, который говорит мне: «Итак, наконец-то вы пришли». (Я замечаю, что старик держит в руках посох с двумя

¹⁴ Эпиграф из: C. G. Jung, *Two Essays in Analytical Psychology*, in: *The Collected Works of C. G. Jung* (Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1966), 7:291. [Цит. по: Юнг К. Г. «Психология бессознательного», М.: Канон, 1994, с. 248]

змеями, которые обвилились вокруг него и обращены головами друг к другу.) Неторопливо, но уверенно он вытягивает ярд за ярдом египетское полотно и окутывает меня им с головы до ног, так, что я превращаюсь в мумию. Затем он подвешивает меня головой вниз на один из многочисленных крюков, расположенных на низком потолке, и говорит: «Вам понадобится терпение, это займет много времени».

Внутри кокона темно, и я не вижу, что происходит. Сначала мои кости держались единым остовом, но позже я почувствовала, как они распадаются. Затем все становится жидким. Я знаю, что старик положил одну змею на верхнюю часть кокона, а другую – на нижнюю, и они ползают сверху вниз и снизу вверх из стороны в сторону, образуя восьмерку.

Тем временем я вижу, как старик сидит у окна и наблюдает смену времен года. Я вижу, как наступает и проходит зима, затем весна, лето и осень, и вновь зима. Так проходит много времени. В комнате только я в коконе и змеи, старик и окно, через которое видна смена времен года.

Наконец старик раскрывает кокон. В нем еще мокрая бабочка. Я спрашиваю: «Она большая или маленькая?».

«И то, и другое», – отвечает он. – «Теперь нам нужно пройти в солнечную комнату, чтобы высушить тебя».

Мы направляемся в большую комнату, в потолке которой вырезан огромный круг. Я ложусь в круг света, чтобы высохнуть, в то время как старик наблюдает за этим процессом. Он говорит мне, что мне не нужно думать о прошлом или будущем, а просто «побывать там и не двигаться».

Наконец, он ведет меня к двери и говорит: «Когда вы покинете это место, вы можете идти на все четыре стороны, но жить нужно в середине».

Теперь бабочка взлетает в воздух. Затем она опускается на землю и садится на грунтовую дорогу. Постепенно ее голова и тело превращаются в женские, бабочка растворяется, а я ощущаю ее у себя в груди¹⁵.

В этой главе я хочу рассмотреть, как разворачиваются именно те стадии развития, которые отражены образами этого сна и его основной метафорой, метаморфозой бабочки. Речь идет о трансформации, занимающей значительный период времени и длящейся многие годы или даже десятилетия, а может, и дольше, в течение которых человек обнаруживает, что живет словно бы в заточении, в лимбе. Я называю это пороговостью. Самые основы личного мира в это время находятся на стадии формирования. Такая трансформация изменяет жизнь. Это глобальное изменение установок, поведения и понимания смысла. И хотя обычно этот процесс запускается какой-то единичной встречей с трансформирующим образом – им может стать религиозный символ, сон, человек, который произвел глубокое впечатление, фигура активного воображения – или серьезной жизненной травмой, такой, как развод, смерть ребенка, потеря родителей или любимых людей, для его завершения нужны месяцы и годы. Этот переход можно мыслить в терминах **метаморфозы** или **трансформации**; человек переходит (мета-, транс-) из одной формы (-морф-, – форма-) в другую. Иногда изменения и сдвиги установок едва уловимы, так что человеку трудно понять, что с ним творится, и происходит ли вообще что-нибудь. Тем не менее впоследствии изменения становятся устойчивыми и глубокими.

¹⁵ Сон перепечатан из: Murray Stein, *In MidLife* (Dallas, Tex.: Spring Publications, 1983), 126-28. Он цитируется здесь потому, что в нем крайне выразительно, на языке современной индивидуальной психики изложена древняя и вездесущая аналогия человеческой трансформации и метаморфозы бабочки. Этот сон основан на широко используемой, возможно, даже универсальной метафоре.

То, что люди на протяжении жизни в значительной степени изменяются и развиваются, сегодня мы считаем само собой разумеющимся. Мы считаем естественным, что существуют «этапы жизни», «жизненные кризисы» и «фазы развития». Так было не всегда, лишь недавно эти слова вошли в современную лексику и стали клише. Психология XX в. сделала весомый вклад в такое видение человеческой жизни. Были проведены сотни исследований, посвященных изучению и описанию психологического развития человека, начиная с раннего детства, юности и зрелости до старости. Существует множество мнений на предмет различных эмоциональных, когнитивных, моральных и духовных аспектов этого развития. Сейчас психологическая жизнь человека рассматривается как практически бесконечный процесс изменения и развития.

В начале столетия Фрейд выделил лишь четыре заслуживающие внимания стадии психосексуального развития характера, и все они относились к раннему детству. Он считал, что этот процесс в основном происходит до конца эдипова периода (приблизительно в возрасте четырех-шести лет), и полагал, что остальная часть жизни в целом лишь повторяет эти детские паттерны. Юнг не разделял этого мнения. Прежде всего он выделил стадию пре-сексуального развития (с акцентом на питание), за которой следуют подготовительные сексуальные стадии, которые начинаются в детстве, созревание же наступает в подростковом возрасте¹⁶. Позже он расширит эту концепцию, предложив полную схему развития в течение всей жизни, которую он разделил на две основные части. Первая половина жизни, согласно Юнгу, связана с физическим взрослением и социальной адаптацией, а сущностью второй половины становится духовное и культурное развитие. Другими теоретиками предложены концепции, согласно которым люди в своем развитии проходят через дискретное число этапов. Так, Эрик Эриксон выделил восемь основных, четких и ясных фаз развития, каждая из которых заканчивается одним из определенных результатов в развертывающемся процессе эпигенеза¹⁷. Каждая фаза имеет свои специфические задачи, опасности и итоги. Как бы ни рассматривали процесс развития – столь ли пессимистично, как Фрейд, либо более оптимистично, как Юнг и поздние теоретики, – человеческий жизненный цикл был концептуализирован в этом столетии как состоящий из нескольких психологических фаз, каждый переход между которыми влечет за собой период кризиса.

«Детство и юность прожиты, а что же дальше?» – вот основной вопрос, которым я задаюсь в этой книге. «Что, с точки зрения развития, происходит с людьми после того, как они расстались с детством?» Некоторые, конечно, будут утверждать, что этого расставания вовсе не бывает. В данной книге высказывается противоположная точка зрения. Я считаю, что большинство людей в своем развитии достигают гораздо большей целостности и завершенности, чем та, которую можно хоть сколько-нибудь интересно и убедительно объяснить лишь (очевидными) повторами. Однако мой тезис вовсе не состоит в том, что существует огромное множество моментов выбора или что число видоизменений граничит с бесконечностью, как это происходит с образом «Протеява „Я“», предложенным Робертом Джейм Лифтоном. Вполне возможно, что происходит множество перемен и перестроек личности и характера (так называемые «стадии развития»), но вслед за Юнгом я придерживаюсь позиции, что существуют

¹⁶ Противопоставляя свою позицию Фрейдю, Юнг использовал метафору трансформации гусеницы в бабочку. Он выдвинул идею о том, что человек находится в стадии гусеницы, которая является до-сексуальной, вплоть до пубертатного периода. В пубертатном периоде он (или она) трансформируется в полноценное сексуальное существо – «бабочку» (C. G. Jung, *Collected Works* [New York: Pantheon, Bollingen Series, 1961] 4:104-19). В этой работе я использовал ту же метафору для описания появления самости во второй половине жизни. Если следовать схеме Юнга, можно сказать, что во всяком жизненном цикле имеют место две основных метаморфозы: первая – в юности, когда мы становимся полноценно сексуальными, и вторая – в зрелости, когда полностью раскрывается самость.

¹⁷ См.: Erik Erikson, *The Life Cycle Completed: A Review* (New York: Norton, 1982), восемь стадий развития. Этот план не соответствует схеме жизненного цикла развития у Юнга. На самом деле, Эриксон рассматривает его более подробно, тогда как Юнг не вдается в детали, особенно на до-подростковых стадиях развития.

две большие эпохи развития – первая и вторая половины жизни. Первая половина – это рост и адаптация, а вторая – консолидация и углубление. Хотя важные события в психологическом развитии и происходят в младенчестве и детстве, лично для меня наиболее интересным и духовно важным этапом является зрелость – средний возраст и старше. Я не считаю, что идентичность в сколько-нибудь значительной степени формируется до середины жизни, т. е. обычно это происходит где-то к сорока годам. Идентичность эта восходит корнями к тому, что Юнг называет самостью, а не к более ранним психосоциальным структурам, направленным на приспособление и адаптацию.

Я вовсе не имею в виду, что мы можем стать кем угодно, идеальным Я. Такова типичная иллюзия первой половины жизни; возможно, она важна и необходима для формирования амбиций и уверенности в себе в юности, чтобы необходимые для адаптации усилия были по плечу. Но и нашей психике, так же как и нашим телам, заданы свои пределы. В психологической жизни идеалы могут оказаться столь же недостижимыми, как и в физической. Мы можем желать физически походить на Майкла Джордана, но лишь немногие могут похвастать тем, что хотя бы приблизились к его атлетическому сложению. В западных религиозных традициях упор делался на попытку стать богоподобным посредством *imitatio Dei*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.